

*Кравцова Ю. В.  
Национальный педагогический университет  
имени М. П. Драгоманова*

## МЕТАФОРА КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

*Психолингвистическое направление метафорологии, сформировавшееся в последней четверти прошлого столетия, продолжает реализовываться в различных по характеру и воплощению концепциях. В статье представлен аналитический обзор психолингвистических исследований метафоры конца XX – начала XXI вв. Проанализированы основные работы в данной области, кратко изложены актуальные проблемы современной психолингвистической теории метафоры.*

***Ключевые слова:** метафора, метафоризация, модель понимания метафоры, модель порождения метафоры.*

В последние десятилетия, когда границы изучения метафоры значительно расширились в связи с осознанием данного феномена как ментально-вербального конструкта и метафоризации как взаимосвязанных процессов порождения и восприятия образного смысла, появилось значительное количество психолингвистических исследований, посвященных этой проблеме (М. Балота, Т. Белт, В. Бриттон, Р. Гиббс, Р. Стернберг, В. Уильямс, В. Харди, К. И. Алексеев, А. А. Залевская, Н. В. Рафикова, М. В. Самойлова и др.), что требует научного осмысления достижений в развитии психолингвистической теории метафоры.

В психолингвистике метафора долгое время рассматривалась только как экспериментальный материал (К. Бюлер, Л. С. Выготский и др.). Лишь с середины 1970-х гг., когда активизировались попытки теоретического обоснования важнейших вопросов метафорологии – о сущности метафоры, механизмах ее образования и понимания, статусе в языке и роли в речевой коммуникации, она стала самостоятельным объектом психолингвистических исследований (Дж. Серль, Г. Кларк, П. Люси, Ю. К. Корнилов, О. К. Тихомиров и др.). Позднее были разработаны и представлены первые модели распознавания слов и их значений, в том числе метафор (Д. Макклелланд, Д. Элман и др.).

В психолингвистических исследованиях 1990-х гг. проблема понимания метафоры по-прежнему остается актуальной. Необходимо отметить, что в современной психолингвистике существуют различные точки зрения на понимание: оно рассматривается как процесс и как результат этого процесса.

Понимание как процесс представляет собой акт мышления (Г. С. Костюк, Л. П. Доблаев и др.), понимание как результат – некоторое знание, которое включается в уже существующую систему знаний или соотносится с ней (Ю. Н. Кулюткин, М. А. Розов и др.). Понимание речи – это процесс извлечения смысла, находящегося за внешней формой высказываний, который требует знания лингвистических закономерностей речестроения, и результат этого процесса. Восприятие формы речи практически неосознаваемо, поэтому, как правило, осуществляется переход непосредственно к семантике. При восприятии фраз реципиент может испытывать некоторое затруднение, если имеется неоднозначность их толкования. Воспринимая речь, человек соотносит сказанное с действительностью, со своими знаниями и опытом. Метафоризация как восприятие смысла (понимание метафоры) представляет собой процесс, состоящий в узнавании уже известного (в случае с языковыми метафорами) или интерпретации ранее неизвестного смыслового содержания.

К. И. Алексеев, считая, что понимание не является результатом процесса мышления, так как оно достигается одномоментно, отмечает: “В простейшем случае единственного и правильного решения можно говорить об окончательном понимании; в более сложном случае, например при понимании художественных произведений (в том числе и метафор), об окончательном понимании говорить нельзя, ибо процесс их понимания может продолжаться бесконечно. В случае метафоры не существует единственного и правильного ее понимания; можно говорить лишь о более или менее адекватном, удачном понимании” [2, с. 83]. Автор, анализируя устойчивое представление об адекватности значения (смысла) метафоры и ее парафразы, которое традиционно подвергается критике, полагает, что специфика метафоры проявляется не при ее понимании, поскольку результат понимания метафоры и ее парафразы одинаков, а при ее распознавании. Однако при этом, как утверждает исследователь, могут происходить некие потери “не в области содержания, а в области “организации” этого материала”, т. е. языковой форме метафоры. Таким образом, исследователь видит некоторое противоречие между содержанием и формой метафоры, что приводит к определенным трудностям при ее восприятии.

Проблеме сущности метафоры, соотношению ее смыслового содержания и формы посвящена и работа М. В. Самойловой. Так, она отмечает: “Не умаляя значения лингвистического определения метафоры как некоторого оборота речи, некоторой жесткой формы, приходится, однако, признать данное определение имеющим невысокую продуктивность для понимания генезиса метафоры с психологической точки зрения. Психолога интересует в метафоре не просто ее форма, ее особенное, отличное от

простого слова внутреннее построение, но в первую очередь сами условия возникновения и функционирования метафоры” [7]. Сущность метафоры, по мнению автора, определяется не внешним строением, так как она может иметь вид слова, выражения, текста, символа, а взаимодействием внутреннего и внешнего (содержания и формы) компонентов. “По сути метафора является ситуативной, предметно или субъективно связанной трансформацией содержания нашей мысли в языковую форму и раскрывает свой потенциал там, где не действуют законы упрощенно-предметного “конкретного” выражения мысли. В этом противодействии между языковой формой и содержанием мысли рождается, существует и перерождается смысл метафоры. Метафору можно определить как форму, несущую свой скрытый смысл, который не соответствует ее прямому значению” [7]. Следовательно, метафора, понимаемая автором достаточно широко (от слова до текста), определяется как выраженное противоречие между содержанием образной мысли и языковой формой, сложившееся в сознании носителей языка.

Р. Гиббс [11], описывая особенности восприятия и понимания метафор, отмечает, что при метафорическом картировании на пересечении двух когнитивных областей в долговременной памяти наиболее яркими оказываются особенности исходной области, что оказывает прямое влияние на понимание метафор. В то же время он подчеркивает, что обнаруживаются разные уровни понимания переносных значений, так как человек не всегда извлекает глубинное концептуальное знание, особенно при восприятии лексикализованных метафор, хотя несомненно использует его, чтобы понять, почему говорится так, а не иначе. Автор призывает не ограничиваться исключительно ментальными процессами, которые протекают в первые мгновения понимания, а изучать различные его аспекты, и утверждает, что не может быть единой теории понимания образного языка, поскольку любой вид образной мысли дает основания для разных типов языковых выражений.

В психолингвистических исследованиях этого периода в связи с продолжением поиска универсальной модели понимания многозначных слов, в том числе метафорических значений, предлагаются различные классификации уже разработанных моделей. Одни ученые (Р. Стернберг, В. Уильямс [14]) подразделяют модели узнавания слов и значений на “пассивные” и “активные”. Другие исследователи (М. Балота, Э. Ливли) классифицируют существующие модели в зависимости от того, что положено в их основу: 1) последовательный перебор единиц, в которых слова извлекаются из памяти посредством процесса поиска (поисковые модели); 2) параллельная активизация соответствующих языковых единиц, согласно которой активизируется сразу несколько возможных опознаваемых слов и их

значений (активационные модели); 3) сочетание обеих характеристик, исходящее из того, что сначала активизируется несколько опознаваемых лексических или семантических единиц, а затем процесс поиска применяется для установления нужной единицы (гибридные модели).

В некоторых работах (Дж. Кесс, Г. Симпсон и др.) содержится анализ проводимых исследований в области распознавания слов и их значений и отмечается, что лексическая многозначность, включая метафорические и метонимические значения в структуре полисемов, все чаще привлекает внимание психолгвистов, однако при этом указывается на противоречивость экспериментальных данных и теоретических выводов разных авторов. Сам Г. Симпсон считает, что в процессе восприятия речи активизируются все значения слова, но в разной степени в зависимости от частотности слова и от контекста его предъявления [3, с. 190]. Более того, ему представляется, что никакой эксперимент не сможет однозначно разрешить эту проблему, а постановка вопроса о том, является ли функционирование лексики автономным или интерактивным, неправомерна, так как полученные экспериментальные данные приводят к мысли, что истина где-то посередине. По мнению ученого, основное внимание необходимо обращать на особенности контекста и на специфику конкретных задач, стоящих перед реципиентом.

В работе Н. В. Рафиковой, также содержащей детальный анализ предыдущих публикаций, рассматривается проблема влияния контекста на понимание многозначных слов при одновременном учете “параметра частотности того или иного значения полисемантического слова с подразделением значений на доминантное и субординатное” [6, с. 36]. На основании предпринятого обзора моделей понимания слов неоднозначной семантики она отмечает, что вопрос о реальности той или иной теории понимания текста во многом зависит от решения вопроса, возможен ли выборочный доступ к значению слова. Исследования в этой области, как считает автор, дают противоречивые результаты: в большинстве случаев подтверждается реальность активации всех значений слова на начальных этапах доступа к полю его значений, однако имеются и доказательства реальности выборочного доступа к значению слова. Она наглядно демонстрирует, что используемые исследователями методики проведения эксперимента для изучения ранних этапов доступа к слову на самом деле высвечивают более поздние этапы понимания, – именно этим обусловлены эмпирические данные, поддерживающие гипотезу выборочного доступа к слову. Таким образом, этап одновременной активации нескольких значений остается скрытым.

В середине 1990-х гг. важной проблемой психолингвистических исследований стало разграничение метафоризации как процессов смысловосприятия и смыслообразования, а также установление модели порождения метафоры. С психологической точки зрения процесс порождения речи заключается в том, что говорящий переводит по определенным правилам свой мыслительный замысел в речевые единицы конкретного языка. При этом он оперирует смысловыми единицами, обусловленными коммуникативным замыслом. Внутренняя речь человека, как правило, предикативна, свернута и образна, лишь выбор грамматической конструкции и подбор лексических единиц делают мысли доступными окружающим. Следовательно, порождение речи представляет собой деятельность человека по вербализации образов его сознания.

Метафоризация как образование смысла (порождение метафоры) – это ментальный процесс, результат которого эксплицируется в языке и коммуникативном поведении человека. При возникновении метафоры происходит одновременная активация областей мозга, отвечающих за наглядные и абстрактные образы. Так, в работе С. В. Агеева предлагается разработанный им алгоритм образования новой метафоры: восприятие человеком объекта или явления > активизация определенными языковыми формами процесса поиска ассоциируемых с ними определенных знаний или представлений о стереотипных событиях и ситуациях > помещение содержания высказывания в уже существующую ситуативную модель > интерпретация с учетом ранее приобретенных знаний [1]. Следовательно, восприятие новой информации и метафорическое ее осмысление сводится прежде всего к попытке найти в памяти ситуацию, наиболее сходную с новой.

В исследованиях А. А. Залевской показано, как эвристический потенциал метафоры в качестве средства познания реализуется через взаимодействие следующих процессов: узнавания, ориентированного на активный поиск в воспринимаемом новом уже известного, понятного; ассоциирования, обеспечивающего такой поиск и приводящего к актуализации связей между продуктами переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта; констатации факта установленной связи; опоры на выводные знания разных видов. “При этом имеет место акцентирование внимания на некотором идентифицированном признаке опознаваемого объекта, действительно существенном и эвристичном, однако далее происходит нечто подобное раздуванию флюса: понимание условности переноса утрачивается, а через абсолютизированный признак познаваемого и в связи с ним формируется специфический круг выводных знаний, принимаемых за изначально присущие ему как носителю

данного признака” [3, с. 278]. Она отмечает, что традиционные представления о том, что метафора намеренно используется субъектом для создания эффекта образности, для передачи его оценки того или иного объекта, для воздействия на реципиента и т. п., заслонили изначальную предметность метафоры как основания, на котором базируются все ее изобразительные и функциональные возможности. Именно это качество метафоры, по мнению исследователя, обеспечивает взаимопонимание между коммуникантами даже в случаях, когда она выступает как крайне индивидуальный продукт субъективного восприятия и отражения мира творческой личностью. “Первичной является постоянная непроизвольная опора индивида на его предшествующий опыт при восприятии нового и при свежем взгляде на ранее известное, постоянное стремление прежде всего идентифицировать, понять, а уже затем закрепить в речи и передать другим то, что в какой-то момент бросилось в глаза и возбудило некоторые чувственно-когнитивно-аффективные впечатления и переживания. Сопоставление с предшествующим опытом происходит по множеству параметров, однако в фокусе внимания индивида может оказаться какая-то одна особенность объекта. Поскольку прочие качества объекта при этом остаются “в тени”, создаются условия для формирования своеобразного метафорического “флюса”, дальнейшее “раздувание” которого происходит за счет специфической категоризации по эталону” [3, с. 281]. Таким образом, как справедливо отмечает автор, несмотря на то, что процессы порождения и понимания метафоры могут не совпадать, что обусловлено индивидуальным опытом коммуникантов, восприятие метафорического смысла в целом осуществляется вполне адекватно.

Интерес представляют психолингвистические наблюдения над формированием и использованием метафор в научных исследованиях (К. Бриттон, Р. Стернберг и др.). Так, Р. Стернберг и В. Уильямс [14] предприняли детальный анализ метафор, которые применяются в научных текстах при описании интеллекта человека. Подчеркивая, что данные метафоры созданы в рамках той или иной теории, авторы отмечают, что при описании сложного объекта не может быть какой-то одной “правильной” метафоры: каждая из них акцентирует внимание на определенном аспекте изучаемого объекта. Авторы разделили используемые в исследованиях интеллекта метафоры на три группы: 1) метафоры, основывающиеся на внутреннем мире индивида и описывающие ментальные процессы, структуры репрезентации и содержание того, чем оперирует интеллект (географические, компьютерные и биологические метафоры); 2) метафоры, связанные с внешним по отношению к индивиду миром (антропологические и социологические метафоры); 3) метафоры, основывающиеся на

одновременном учете и того, что специфично для внутреннего мира, и того, что исходит от окружения человека, и по-разному сочетающие разнообразные метафоры. В исследовании Б. Бриттона и А. Грэссера [10] описываются научные метафоры, используемые в психологии при моделировании процессов понимания текста.

Широкое распространение получили психолингвистические публикации, посвященные изучению роли компьютерной метафоры в описании тех или иных психических процессов (Дж. Кесс (1993), М. Баумгартнер (1995), В. В. Петров (1996), Р. М. Фрумкина (1996), В. А. Цепцов (1996), А. А. Залевская (1999) и др.), что обусловлено активизацией исследований в области создания искусственного интеллекта. “Компьютерная метафора овладела умами психолингвистов, побуждая их анализировать языковой / речевой механизм человека и протекающие в нем процессы в свете представлений о возможностях и ограничениях, которые специфичны для соответствующих структур и процессов при признании аналогии между работой мозга (как “процессора”) и работой компьютера со всеми вытекающими отсюда последствиями. К числу типичной для данного подхода терминологии относятся “переработка языка”, “множественный доступ” или “селективный доступ” к слову” [4, с. 23]. Так, в работе Дж. Кесса анализируется метафора “модульный подход”, используемая при описании языкового / речевого механизма человека. Как отмечает автор, в основе этой метафоры лежит аналогия между переработкой языка человеком и переработкой языка компьютером. В целом нужно отметить, что авторы подобных публикаций все чаще обращаются к идеям нейрологии и к моделям познавательных процессов, базирующимся на аналогии мозга и компьютера, их устройства и принципов работы.

В 2000-е гг. психолингвистические исследования метафоры приобрели устойчивую когнитивную и этнокультурную ориентацию, а метафора стала рассматриваться как продукт переработки опыта индивида. “Осознание того факта, что метафора первично ментальный, а не языковой феномен, все чаще инициирует обращение ученых к психолингвистической составляющей при анализе феномена метафоры, рассматривающей человека, погруженного в “живую стихию” языка” [5, с. 48]. Многие современные исследования направлены на изучение роли метафоры в речевой деятельности, ее психологических и нейропсихологических аспектов (Р. Гиббс, Н. Уилсон (2002), Е. В. Улыбина (2006), Т. В. Ахутина (2009) и др.), специфики метафоры в ментальном лексиконе (А. А. Залевская (2005), О. С. Зубкова (2006, 2008, 2011) и др.). Так, О. С. Зубкова отмечает, что “с помощью метафор происходит сопоставление “готовых” значений при расшифровывании культурного кода и вызываемых ими ассоциативных

представлений, а также кажущихся несовместимыми на первый взгляд внеязыковых сущностей” [5, с. 62]. Е. В. Улыбина подчеркивает, что “понимание метафорической природы создающегося в процессе деятельности образа мира позволяет говорить о коммуникативном характере взаимодействия личности и культуры” [8, с. 213]. Таким образом, в данных психолингвистических исследованиях метафора представляется как результат метафорогенной деятельности человека, в которой отражается его социальный и индивидуальный опыт как представителя определенной этнокультуры.

Интересный эксперимент по верификации положения о подсознательном характере базовых концептуальных метафор был проведен Р. Гиббсом и Н. Уилсон [13]. Основные сомнения у психолингвистов возникали по поводу того, сопровождается ли актуализация стертых метафор активными операциями над концептуальными доменами и не являются ли подобные метафоры своеобразными клише, пассивно усваиваемые носителями языка. В ходе эксперимента были установлены корреляции между моторикой испытуемых и употреблением антропоморфных метафор. При этом корреляции не варьировались в зависимости от национальности испытуемых (в эксперименте участвовали носители разных языков). В ходе исследования авторы пришли к выводам, подтверждающим взаимовлияние между активацией отвечающих за моторику участков головного мозга и лингвистическими выражениями, связанными с физическим опытом взаимодействия с окружающим миром.

Т. Белт [9], основываясь на результатах четырех специальных экспериментов, продемонстрировал, что метафоры убедительны только во взаимодействии с теми или иными характеристиками аудитории – расстановкой приоритетов в системе социальных ценностей адресатов коммуникации, а также индивидуальным эмоциональным отношением к метафорическому выражению.

В исследовании В. Харди [13] приводятся результаты эксперимента по проверке положения о зависимости метафоризации как процесса смыслопорождения и смысловоприятия от особенностей концептуализации мира, принятой в определенной социокультурной общности. Он провел анкетирование рядовых граждан по поводу их отношения к предлагаемому законопроекту об установлении английского языка в качестве единственного официального языка. Полученные данные свидетельствовали о том, что реакция неносителей языка (испаноязычного населения) получила выражение в метафорах войны, водных потоков и т. п. Данное исследование позволило автору показать важную роль метафоры в осмыслении социально-политических проблем рядовыми гражданами и вместе с тем



продемонстрировало, что метафорическое представление обычных людей о действительности во многом совпадает с картиной мира, предлагаемой в СМИ. С другой стороны, такое совпадение, как считает исследователь, может служить подтверждением того, что метафоры СМИ формируют картину мира рядовых граждан. В целом же механизм этого совпадения можно объяснить и тем, что создатели социально-политических текстов являются членами определенного социокультурного сообщества и соответственно отражают в метафорах картину мира, традиционно сложившуюся в нем. Необходимо отметить, что вопрос о методике описания метафоризации как процессов смыслопроизводства и смысловосприятия остается открытым.

В заключение необходимо отметить, что проведенный анализ психолингвистических исследований метафоры рубежа XX–XXI вв., которые приобрели когнитивную и этнокультурную специфику, свидетельствует об их ориентации на успешное решение вопросов о сущности метафоры, образовании и восприятии метафорического смысла, создании моделей порождения и понимания метафоры, ее роли в коммуникативной деятельности человека. Целенаправленная работа в данной области будет способствовать более глубокому изучению механизмов метафоризации как ментально-вербального процесса и особенностей метафорогенной деятельности носителей той или иной этнокультуры.

#### *Л и т е р а т у р а :*

1. *Агеев С. В.* О роли фреймов знаний в интерпретации метафорических выражений / С. В. Агеев. – [Электронный ресурс] : [http://www.amursu.ru/8101/vestnik/7/6\\_7\\_99.html](http://www.amursu.ru/8101/vestnik/7/6_7_99.html)–1999.
2. *Алексеев К. И.* Метафора как объект исследования в философии и психологии / К. И. Алексеев // Вопросы психологии. – 1996. – № 2. – С. 73-85.
3. *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М. : Изд-во РГГУ, 1999. – 382 с.
4. *Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст : Избранные труды / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
5. *Зубкова О. С.* Метафора в ментальном лексиконе / О. С. Зубкова. – Saarbrücken, 2011. – 232 с.
6. *Рафикова Н. В.* Психолингвистические исследования процессов понимания текста / Н. В. Рафикова. – Тверь, 1999. – 210 с.
7. *Самойлова М. В.* Онтогенез метафоры / М. В. Самойлова. – [Электронный ресурс] : <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/io.htm>. 1999.
8. *Улыбина Е. В.* Метафора и деятельность : предмет потребности как метафора / Е. В. Улыбина ; под ред. А. А. Леонтьева // Психологическая теория деятельности : вчера, сегодня, завтра. – М. : Смысл, 2006. – С. 205-214.
9. *Belt T.* Metaphor and political persuasion / T. Belt. – Los Angeles, 2003. – 192 p.

10. *Britton B. Models of understanding text / B. Britton, A. Graesser. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1996. – 186 p.*
11. *Gibbs R. When is Metaphor? The idea of understanding in the theories of metaphor / R. Gibbs. – London, 1992. – 212 p.*
12. *Gibbs R. Bodily action and metaphorical meaning / R. Gibbs, N. Wilson // Style. – 2002. – Vol. 36. – № 3. – P. 533-554.*
13. *Hardy V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics : A Thesis for the degree of Master of Arts / V. Hardy. – Washington : Georgetown University, 2003. – 116 p.*
14. *Sternberg R. How to develop student creativity / R. Sternberg, W. Williams. – Alexandria, VA : Association for Supervision and Curriculum Development, 1996. – 198 p.*

***Кравцова Ю. В. Метафора як об'єкт психолінгвістичних досліджень межі XX–XXI ст.***

*Психолінгвістичний напрям метафорології, сформований в останній чверті минулого століття, продовжує реалізовуватись у різних за характером і втіленням концепціях. У статті подано аналітичний огляд психолінгвістичних досліджень метафори кінця XX – початку XXI ст. Проаналізовано основні роботи у даній галузі, коротко викладено актуальні проблеми сучасної психолінгвістичної теорії метафори.*

***Ключові слова:*** метафора, метафоризація, модель розуміння метафори, модель породження метафори.

***Kravtsova Y. V. Metaphor as an object of psycholinguistic researches of the turn of the XX<sup>th</sup>–XXI<sup>st</sup> centuries.***

*Psycholinguistic school of metaphorology, formed in the last quarter of the last century, has been realized in the conceptions different by character and embodiment. The article presents an analytical review of the psycholinguistic metaphor researches of the end of the XX<sup>th</sup> – the beginning of the XXI<sup>st</sup> centuries. The main works in this field are analyzed, the relevant problems of modern psycholinguistic theory of metaphor are outlined.*

***Keywords:*** metaphor, metaphORIZATION, model of metaphor understanding, model of metaphor creating.